

**П.Н. МИХРИН И ВОПРОС О ВОЗВРАЩЕНИИ В.И. ЛЕНИНА
В ПЕТРОГРАД ОСЕНЬЮ 1917 г.**

R.Sh. Ganelin. P.N. Mikhryn and the Question of Return of V.I. Lenin to Petrograd in Autumn of 1917. The article deals with the research activities by P.N. Mikhryn. Proceeding from various data, he offers his version of the date of the return of V. I. Lenin to Petrograd before the October coup of 1917 in close connection with contradictions around seizure of power between Lenin and other Bolshevik leaders.

Старое ЛОИИ — так некогда называлось наше учреждение, Ленинградское отделение Института истории АН СССР, ныне Санкт-Петербургский институт истории РАН, помещавшееся до 1966 г. в здании Библиотеки АН СССР, включало в себя, кроме коридора, заставленного величественными старыми бюро, прозванными рундуками, между которыми проводили «присутственные» часы сотрудники, три не занятых под архивохранилища небольшие комнаты — кабинет заведующего, канцелярию с бухгалтерией и еще одну, служившую читальным залом архива и попеременно с директорским кабинетом и местом для заседаний. Мебель была дореволюционного происхождения, отнятая у Н.П. Лихачева вместе с коллекциями, составившими основу нашего архива. (С.Н. Валк рассказывал, что когда Н.П. Лихачев вернулся из ссылки и пришел в отнятый у него архив, акад. А.С. Орлов, директор Института книги, письма и документа, нашего предшественника, сидя в лихачевском домашнем кресле, строго предупреждал сотрудников о необходимости присмотра за бывшим владельцем всего этого состояния.) Наши нынешний директор и ученый секретарь и сейчас сидят за столами, возвращенными вместе со всем остальным в бывший лихачевский особняк. Тогда оба стола стояли напротив друг друга в директорском кабинете, а в столе ученого секретаря Н.Е. Носова один из ящиков был отведен мне, потому что наш заведующий М.П. Вяткин руководил и сектором истории СССР, в котором я был секретарем, и мне приходилось иногда выполнять эти обязанности, сидя напротив него, становясь слушателем его телефонных разговоров.

Так, однажды в самом конце 1959 или начале 1960 г. раздался звонок из Москвы, и зав. отделом ЦК КПСС Снастин по поручению М.А. Суслова дал указание о приеме на работу в ЛОИИ П.Н. Михрина. Тут же последовал звонок из Президиума АН СССР о выделении для этого штатной единицы. Затем появился он сам, инвалид войны, с протезом вместо ноги, потерянной им вследствие ранения в бою. (Он служил в морской пехоте на полуострове Рыбачий.) П.Н. в 1935 г. заочно окончил Ленинградский институт журналистики и работал газетным корреспондентом в разных районах страны. После войны он был направлен в Академию общественных наук при ЦК КПСС, защитил в 1950 г. кандидатскую диссертацию «*Борьба Ленина и Сталина за большевистскую партию после Пражской конференции*». Он работал в Институте истории партии при Ленинградском обкоме, но вступил в конфликт с его директором С.П. Князевым и заместителем директора А.П. Константиновым. Формы этого конфликта не были дипломатическими. А.Н. Цамутали рассказывал, что, идя с ним по длинному коридору в Смольном и увидев двигающегося навстречу одного из своих руководителей, Михрин, произнес: «*Осторожно, Алексей Николаевич!*», устремился вперед, подняв палку и подтверждая свои намерения самыми выразительными словами. Внутрипартийный конфликт был разрешен Сусловым уже известным читателю способом.

П.Н. Михрин и вопрос о возвращении В.И. Ленина в Петроград осенью 1917 г.

Павел Николаевич Михрин (1912—1963) оказался человеком для нашего коллектива не совсем обычным. Профессионализм его был несколько специфическим, он был, конечно, учеником советской исторической школы, но большой выучки и опыта работы не имел. Это, в частности, выразилось в том, что обычная плановая исследовательская деятельность была ему не совсем по нутру. Но в одном отношении недостатки его профессионализма оказывались необыкновенно полезными для интересов дела: ему была чужда повышенная осмотрительность, составлявшая неотъемлемую часть тогдашнего профессионализма историка. Время располагало к некоторым вольностям. Не в кардинальных, разумеется, вопросах, а в таких, которые после XX съезда, казалось, подлежали свободному обсуждению и могли не иметь обязательного для всех решения. Впрочем, часто бывало так, что вопрос по мере углубления в него оказывался связанным с жизненно важными для историографической доктрины обстоятельствами, и исследователь попадал в запретную зону. С П.Н. Михриным случилось именно это, но, хотя позади уже был устроенный ЦК КПСС скандал с панкратовско-бурджаловскими *«Вопросами истории»*, по отношению к нему настоящая строгость со стороны властей проявлена не была. Ему пришлось встретить сопротивление со стороны тех, кто занимался историей Октябрьской революции и поддерживал официальную ее трактовку, с трудом подававшуюся пересмотру в некоторых ее частях.

Вскоре после нашего с ним знакомства он дал мне для прочтения три машинописных текста объемом в несколько авторских листов каждый. Первый из них назывался: *«Исследование»*, второй — *«Дополнительное исследование»* и третий — *«Историографическое исследование»*. Куда делись эти тексты после смерти автора, я не знаю.

Суть дела сводилась к тому, что в отличие от апрельского приезда Ленина в Петроград его осеннее возвращение в покинутый им летом город было тайным, и дата его нигде не была отмечена. Причины конспирации сомнений как будто не вызывали, их видели в тех преследованиях со стороны властей Временного правительства, которые вынудили Ленина покинуть Петроград летом. П.Н. Михрин считал, однако, что приезд Ленина был неожиданным для большевистского руководства, не желавшего этого ввиду разногласий с ним по поводу восстания и взятия власти. 3 октября ЦК разрешил Ленину возвращение. Это был тот краеугольный камень, «официальный партийный документ», на который опирались те, кто отстаивал в качестве даты возвращения Ленина 7 октября, во главе с акад. И.И. Минцем. П.Н. Михрин не был единственным их противником. М.В. Фофанова, хозяйка квартиры, у которой поселился Ленин в Петрограде, утверждала, что он приехал к ней в конце сентября. Позиция ее и Михрина, заявленная ими на многолюдных научных собраниях в конце 1962 г., нашла отражение в изданиях, появившихся в 1964 г., как и полемика с ними. Что же касается работ, отстаивавших сентябрьскую дату, то найти их не удалось (не имею здесь в виду воспоминания, вышедшие в 1920—1930-х гг.). Не нашел я и отчета о специальном совещании по этому поводу, известном по упоминаниям¹.

¹ П.Н. Михрин говорил о выступлении Е.Д. Стасовой на научной конференции в Институте марксизма-ленинизма 16 ноября 1960 г. (Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Материалы Всесоюзной научной сессии, состоявшейся 13—16 ноября 1962 г. в Ленинграде. М., 1964. С. 123). М.В. Фофанова упоминала о выступлениях Е.Д. Стасовой и своем на конференции в Доме ученых (Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. 18—21 декабря 1962 г. М., 1964. С. 282). И.И. Минц говорил о специальном совещании в 1961 г., продолжавшемся «*чуть ли не три дня*» (там же, с. 292). Итоги его, сказал И.И. Минц, были

Но Ю.К. Милонов, член большевистской партии с 1912 г., отстаивая на Всесоюзном совещании историков сентябрьскую дату, в частности сказал: «Заслуга в выяснении этого вопроса принадлежит скромному исследователю, не имеющему ни ученого звания, ни ученой степени, — Дмитрию Васильевичу Романовскому»². Это имя в известной мне литературе так и не появилось. «Некоторые очень уважаемые историки шутили, — продолжал Ю.К. Милонов, — что по этой проблеме существуют две научные партии: “октябристов” и “сентябристов”. Надо понять, что это не просто два научных течения. Утверждение, что В.И. Ленин в сентябре не был в Петрограде, равнозначно признанию, что не он руководил подготовкой к совершению Октябрьской революции»³. Частично острота вопроса, действительно, этим и объяснялась. Однако он имел и более широкое значение. Некоторые чекисты в Петрограде вообще сомневались в целесообразности вооруженного восстания и захвата власти, по крайней мере, в ближайшем будущем. Об этом много писали в советские годы, сводя дело к позиции Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, считавшейся предательской. В действительности в числе других этой позиции сочувствовал и Сталин, поэтому формула о Ленине и Сталине как «вождях Октября» была совершенно искусственной. После выхода в свет в 1967 г. двухтомника ЛОИИ «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» на обсуждении его в редакции журнала «История СССР» (я был на этом заседании) П.В. Волобуев, снимая с Зиновьева и Каменева обвинение в предательстве, заявил, что их нерешительное поведение, колебания и проч. были продиктованы чувством политической ответственности. Идя на переворот такого значения, как взятие власти в стране в результате вооруженного восстания, говорил он, следовало действовать именно по тому правилу, которого они придерживались: «семь раз отмерь, один раз отрежь»⁴. Отсутствие Ленина в Петрограде этому способствовало, поскольку он все сомнения решительно отвергал. А после смерти Ленина для его соратников стало заманчивым изображать дело так, что они и сами, без Ленина, вели дело к взятию власти.

Таковы были причины, по которым ЦК стремился продлить отсутствие Ленина в Петрограде, а затем была начата игра с неоднократными изменениями даты его приезда (ей-то и была посвящена рукопись П.Н. Михрина, озаглавленная: «Историографическое исследование»). Ввиду отсутствия его рукописей я попытаюсь реконструировать их основное содержание, пользуясь двумя опубликованными выступлениями (его и М.В. Фофановой), о которых уже было сказано, и своими воспоминаниями об этих рукописях и о его выступлении на научной сессии в Ленинграде в ноябре 1962 г.⁵ И П.Н. Михрин, и М.В. Фофанова убедительно, с моей точки зре-

доложены в ЦК, где согласились с тем, что оснований для пересмотра даты нет, поскольку постановление ЦК — официальный документ, но допустили возможность дальнейших поисков, т. е. разномыслие полностью запрещено не было.

² Всесоюзное совещание... С. 246.

³ Там же.

⁴ Вообще обвинение в предательстве после XX съезда стало вызывать сомнения потому, что речь шла о статье в газете, редактировавшейся Н. Сухановым, в квартире которого было принято то решение ЦК, в оглашении которого в этой статье и обвинялись Зиновьев и Каменев. В официальных изданиях появились составленные не без стыдливости примечания о том, что квартиру предоставила жена Суханова большевичка Г.Я. Флаксерман, а его самого во время заседания дома не было.

⁵ Выступление П.Н. Михрина, которое произвело на аудиторию необыкновенно яркое впечатление, появилось в уже упоминавшемся сборнике «Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», вышедшем в свет после его кончины, в значительно сокращенном виде. Вслед за ним была помещена статья А.Я. Великановой (с. 124–139),

П.Н. Михрин и вопрос о возвращении В.И. Ленина в Петроград осенью 1917 г.

ния, показали, что все напечатанное по этому поводу при жизни самого Ленина сводилось к тому, что он приехал в сентябре и сделал это самовольно. Именно так изображал дело в «Правде» в 1921 г. А.В. Шотман, причем в том же номере, где была напечатана статья самого Ленина о значении золота. Вероятно, первым, еще в 1918 г. о том, что Ленин приехал «самочинно», заявил Зиновьев. Затем в 1920 г. появилось слово «самовольно». Рассказывая об этом на Всесоюзном совещании историков, М.В. Фофанова огласила тот отрывок со стр. 37 выпущенной Моссоветом под редакцией Каменева в 1920 г. книжки «К пятидесятилетию со дня рождения В.И. Ульянова-Ленина. 1870—1920 гг.», который она прочитала Ленину, книжки еще не читавшему, в присутствии Каменева. Она цитировала:

«В.И. Ленин стремится сбросить правительство Керенского и передать всю власть организованным рабочим и крестьянам <...> Необходимо скорее брать власть, не то будет поздно. Он говорит своим товарищам и во время Демократического совещания пишет: “Довольно тянуть канитель, надо окружить Александринку и сбросить всю эту шваль...” ЦК не соглашается. И вот он покидает свое убежище и, рискуя попасть в руки Керенского, самовольно приезжает в С.-Петербург для организации восстания».

«Когда я это прочитала, — продолжала М.В. Фофанова, — Владимир Ильич взял у меня из рук книгу, дважды подчеркнул карандашом слово “самовольно” и возвращает ее мне. Я заканчиваю читать, переворачиваю страницу и обращаюсь к Каменеву: “Вы не все еще написали: почему Вы говорите о самовольном приезде, а не говорите о 24-м октября, когда он самовольно ушел в Смольный?” Каменев, показав на В.И. Ленина, ответил: “Если все писать о нем, то этому конца не будет”. “Ладно, ладно”, — говорит Владимир Ильич. Эта книжка с пометками Ленина хранится у меня. Вот ее фотография. Разве это не документ?»⁶.

И Михрин, и Фофанова изложили то объяснение происхождения постановления ЦК, которое дано было Е.Д. Стасовой на конференции в 1960 г. «Стасова тогда разъяснила, что постановление ЦК от 3 октября — вынужденное постановление, связанное с необходимостью легализации Ленина», — сказала Фофанова⁷. По словам Михрина, Стасова, как и он, считала, что смысл решения 3 октября состоял в том, чтобы отменить прежнее, запрещающее Ленину возвращение, и сообщила, что, кроме Я.М. Свердлова, никто из восьми человек, присутствовавших на заседании 3 октября, не знал, что Ленин уже в Петрограде. Стасова не соглашалась с датой 22 сентября, которую одно время называла Фофанова, и отдавала предпочтение, как и Михрин, следующей пятнице — 29-му (Фофанова ссылаясь на то, что Ленин приехал именно в пятницу, когда у нее собирались гости)⁸.

Одним из аргументов в пользу даты 7 октября считалась запись в табель-календаре машиниста Гуго Ялавы за 7 октября, гласившая на финском языке: «старик при-

содержавшая квалифицированную полемику с Михриным, хотя и игнорировавшая ряд его аргументов, поданная как выступление на сессии, хотя, по воспоминаниям моим и других присутствовавших на сессии лиц, А.Я. Великанова там не выступала. В Сборнике отсутствует прозвучавший после речи Михрина ответ И.И. Минца, несколько растерянно упрекавшего своего оппонента, которому он оказал, по его словам, теплый прием, в неблагодарности, но уклонившегося от полемики.

⁶ Всесоюзное совещание... С. 281.

⁷ Там же. С. 282.

⁸ Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 123.

Нестор № 3

шел». Но предпринятая по инициативе Михрина графологическая экспертиза поставила под сомнение принадлежность этих слов руке Г. Ялавы. С другой стороны, в табель-календаре был отмечен внеочередной рейс в Финляндию 29 сентября⁹.

М.В. Фофанова, подчеркивая остроту разногласий между ЦК и Лениным, апеллировавшим против ЦК к Петербургскому и Московскому комитетам, отмечала произвольное обращение с ленинскими текстами при их публикации. Помню, что П.Н. Михрин в одной из своих рукописей воспроизводил корректурную правку, с помощью которой в число адресатов ленинского письма, содержавшего обращение к местным организациям, был ради смягчения остроты дела вставлен ЦК.

Разумеется, обнаружение материалов П.Н. Михрина, Д.В. Романовского, М.В. Фофановой, стенограмм или иных записей совещания 1960 г. сделало бы картину пред-октябрьских дней и ярче, и реалистичнее. Выступления П.Н. Михрина и М.В. Фофановой в 1962 г. всколыхнули было зеркальную поверхность пруда, но к тому времени, когда в 1964 г. оба выступления были опубликованы, дело было приведено в первоначальное состояние с нерушимой опорой на решение ЦК 3 октября как официальное¹⁰.

Будь П.Н. Михрин жив, он бы с этим не примирился. Так мне тогда казалось. И, по-видимому, не только мне. Сейчас же после его кончины раздался телефонный звонок из ЦК КПСС с вопросом, действительно ли он умер и на каком кладбище и когда похоронен.

⁹ Там же. С. 122.

¹⁰ См.: Всесоюзное совещание... С. 296; Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. С. 460.